

ВЕЛИКИЕ И БОЖЕСТВЕННЫЕ ХУЛИТЕЛИ ЗАКОНА

© 2021 г. Н. Г. Иванов

*Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России), г. Москва*

E-mail: puasson2008@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.10.2020 г.

Аннотация. В статье рассмотрены деяния известных мифологических персонажей в рамках их отношения к закону. Хула на закон, исходящая от представленных в статье персонажей, обусловлена некорректностью закона, неспособностью его отвечать требованиям золотого правила этики и необходимостью его замены справедливыми установлениями.

Ключевые слова: закон, золотое правило, справедливость, подчинение, любовь.

Цитирование: Иванов Н.Г. Великие и Божественные хулителы закона // Государство и право. 2021. № 2. С. 16–25.

DOI: 10.31857/S102694520013670-8

GREAT AND DIVINE DETRACTORS OF THE LAW

© 2021 N. G. Ivanov

*All-Russian state University of justice
(Russian law Academy of the Ministry of justice of Russia), Moscow*

E-mail: puasson2008@yandex.ru

Received 06.10.2020

Abstract. The article examines the actions of famous mythological characters as part of their attitude to the law. Hula's account of the law, coming from the characters presented in the article, is due to the incorrectness of the law, its ability to meet the requirements of the golden rule of ethics and the need to replace it with fair regulations.

Key words: law, golden rule, justice, submission, love.

For citation: Ivanov, N.G. (2021). Great and Divine detractors of the law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 16–25.

Начну, пожалуй, с Божественных, что прилично верующему человеку.

Закон хулили всегда, с незапамятных времён. И не только потому, что он мешал проявлять амбициозные стремления или просто не нравился, но и потому, что он противоречил нравственным доминантам, которые определяли масштаб поведения индивида, вынужденного подчиняться чуждому закону. Но их всех, хулителей закона, прибрала

Лета, не оставив даже памяти, а вот великих, приобщённых к мифическим героям или наделённых Божественным авторитетом, сохранила потомкам, возбуждая в них стремления к подражанию или по меньшей мере к рефлексиям на тему целесообразности законоустановлений. Этот аспект не внушал оптимизма и радости властям и прочим демиургам, которые всячески боролись с вольтерьянством и оппозиционностью, но силы протеста и, в частности, протеста против исповедуемых законов,

оставались непоколебимы, проявляясь либо фрондой, либо инвективами, а порой и в виде насильственных актов. Одним из представителей критики закона, который нарушал его целеустремлённо, был апостол Павел.

Павел родился в городе Тарс, что в Киликии (римская провинция на территории юго-восточного побережья современной Турции) в 10 или 12 г.н.э. По рождении ему дали имя Савл в честь царя Саула, первого царя Израиля.

Родители Савла были чистокровные евреи, однако его отец состоял в звании римского гражданина, что означало для него и его потомков наличие значительных привилегий. К таким привилегиям относились, в частности, иммунитет от местных законов; право на суд и на самозащиту; неприменимость пытки и телесных наказаний, а также смертной казни в случае государственной измены. Эти привилегии сыграли в судьбе Савла важную роль, позволяя проповеднику, которым он стал, уходить из-под карающей десницы закона.

Отец Савла занимался прибыльным в то время промыслом — изготовлением шерстяных материй, ковров и палаток из козьей шерсти. Палатки пользовались большим спросом, поскольку путешественник не мог без них обходиться. Они скрывали путника от палящего солнца и диких зверей.

Прибыльность ремесла свидетельствовала о том, что родители Савла не были нуждающимся семейством и могли позволить дать сыну достойное воспитание. Но по эталону еврейских обычаев отец сначала научил сына ремеслу, чтобы отпрыск самостоятельно мог зарабатывать себе на пропитание. И Савл воспользовался в дальнейшем полученными навыками, зарабатывая на хлеб собственным трудом, а не подающими.

Савл рос в атмосфере ригористического фарисейства, отрицающего любые поправки к закону Моисея. О себе он говорил так: «обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, еврей от евреев, по учению фарисей» (Филип. 3:5).

Смысл учения фарисеев сводился, в частности, к тому, чтобы скрупулёзно соблюдать данный Моисею закон. На фарисеях лежала обязанность соблюдать 613 заповедей Моисеева закона, что было не легко, но необходимо. Их утверждения не были лишены логики, особенно это: Бог любит свои создания и требует от человека исполнять данный ему закон. Хотя в дальнейшем фарисеи отошли от буквального исполнения закона, заменив его толкованием, но во времена апостола Павла пренебрежение буквой данного Моисею закона означало страшный грех, достойный даже смерти.

Его фарисейские воззрения укрепились после того, как отец отдал его для получения общего

классического образования в одно из учебных заведений, находящихся здесь же, в г. Тирс. Здесь будущий апостол в совершенстве выучил греческий язык и получил достойное образование, но по еврейским канонам. Для получения более полного образования Савла отдали в Иерусалим в обучение Гамалиилу (Рабан Гамалиэль бен Шимон ха-Закен) известному законоучителю, фарисею, который, несмотря на фарисейский ригоризм, пропагандировал веротерпимость и был даже защитником апостолов в синедрионе, когда их обвиняли в смертных грехах (Гамалиил был в конце жизни крещён в христианство и почитается православной церковью как праведный). В школе Гамалиила Савл изучил отеческий закон и, как он сам пишет о своём учении, стал «ревнителем по Боге» (Деян. 22:3), хотя и до этого времени почитал отеческие наставления. По-видимому, Савл был способным учеником, т.к. по окончании обучения стал пользоваться уважением и почитаться как умный и образованный гражданин, с хорошими манерами и отличным воспитанием. Возвратившись в Тарс, Савл стал пользоваться в фарисейской среде большой известностью и как учёный, и как истовый почитатель Бога. Истовость Савла заключалась в его пылкости и порой невоздержанности, если дело касалось малейшего нарушения закона отцов. Его страстная натура не могла уместиться в Тарсе, который хотя и был процветающим ещё со времён цезарей портом со смешанным населением и культурными особенностями, но не соответствовал масштабным амбициям Савла, готового бороться с мировым злом отступления от святых Моисеевых скрижалей. И он отправился в Иерусалим, где впервые столкнулся с новыми праведниками, проповедовавшими неизвестное Савлу учение. Прислушавшись к проповедникам, Савл был поражён и как истый фарисей — глубоко оскорблён услышанным, ибо они проповедовали упразднение закона Моисея, вместо которого предлагали учение какого-то Галилеянина. С этого момента страстная натура фарисея прониклась столь же страстной ненавистью к учению Христову, и он стал полагать долгом своей совести и делом Богоугодным истребление христианства. Савл принял участие в убийстве святого Стефана, первого христианского мученика, принявшего смерть за христианскую проповедь в Иерусалиме. Биографы апостола говорят, что после убийства Стефана в душе у неистового Савла стали происходить нравственные катаклизмы в виде сожаления и нечто похожее на раскаяние. Так ли это, доподлинно неизвестно. Известно, однако, что Савл, возглавляя партию фарисеев, стал принимать самое активное участие в кровавых нападениях на христиан, которых ненавидел всем своим пламенным сердцем. Сам гонитель несчастных христианских проповедников, уже будучи

Павлом, с раскаянием писал: «Я даже до смерти гнал последователей сего учения, связывая и передавая в темницу мужчин и женщин» (Деян. 22:4). Кстати, особенно кровавые гонения на христиан с участием Савла пришлось на 37-й год от Рождества Христова — интересная и, может быть, магическая параллель с 1937 г. в СССР.

Как отмечал Э. Ренан, исследовавший житие апостолов через анализ главным образом библейской книги «Деяния святых апостолов», Савл «дышал ненавистью и местью и, как бешеный, рыскал по Иерусалиму с указом, разрешающим всякие зверства. Он ходил из синагоги в синагогу, принуждая робких людей отречься от Иисуса; тех же, кто не соглашался на это, приказывал бичевать или сажать в тюрьму. <...>. Его приводили в бешенство успехи новой веры»¹.

Когда иерусалимская церковь была уничтожена, Савл обратил свой неистовый пыл на другие города. Узнав, что в Дамаске образовалась сильная группа христиан, проповедовавших учение Галилеянина, он по собственной инициативе испросил у первосвященника Феофила, сына Анны, замещавшего одновременно с саном первосвященника пост председателя синедриона, полномочие на арест всех христиан, каковое и получил. Вместе с сопровождавшими его фарисеями Савл отправился в Дамаск, наслаждаясь чувством непостижимой радости, которая охватывает человеческое существо при приближении вожеленного предмета. Он уже ощущал восторг от расправы с христианскими проповедниками, как вдруг великий свет с неба осиял его. И в это мгновение он услышал голос, говоривший: «Савл, Савл! Что ты гонишь меня? Я отвечал: кто Ты, Господи? Он сказал мне: Я Иисус Назорей, Которого ты гонишь.

Тогда я сказал: Господи! Что мне делать? Господь же сказал мне: встань и иди в Дамаск, и там тебе сказано будет всё, что назначено тебе делать» (Деян. 22:6–10). С этого мгновения Савл преобразился в Павла, обладателя совершенно иных, чем были у Савла, нравственных ориентиров. Такое мгновенное преобразование характерно для восторженных натур, переживающих, тем более, этические катаклизмы, которые переживал Савл после убийства Стефана. В контексте этических катаклизмов Савла Э. Ренан очень точно передаёт его состояние: «У людей с пылкой душой часто бывают приступы сомнений. Павел не мог освободиться от обаяния тех, кого он мучил»². Но, поменяв нравственные приоритеты, Павел не избавился от присутствующих в его натуре страстей, которые лишь изменили своё направление. Как ранее он неистово гнал

проповедников слова Христова, так теперь со столь же выраженным неистовством стал проповедовать это самое Слово, нападая на язычников и других сомневающихся. Павел остался Савлом, но с Христом в душе.

Будучи назначен проповедовать язычникам (причины такого назначения не являются объектом данного рассмотрения, тем более что по поводу их истинности высказываются лишь предположения), Павел не ограничился только встречами, беседами и декларациями на тему христианского учения. Хотя, видимо, его встречи с язычниками носили полезный для распространения христианского учения характер. Например, его успех у галатов — кельтских племён, отличавшихся, мягко говоря, недобрым нравом и имевших политеистический пантеон божеств. Пылкость апостола могла легко покорить не только грубые чувства язычников, но и изменить эстетствующие представления аристократов, которые тоже поклонялись языческим божествам.

Павел, помимо проповедей, стал отправлять послания тем церквам, которые он уже создал у язычников. Послания отличались характером наставничества, в них апостол развивал собственные мысли и представления о сущности учения Христа. Именно в посланиях Павел стал прямо или имплицитно говорить о Законе.

Прежде всего фарисеи вменяли Павлу его нарушение Торы. Именно так в еврейских книгах называлась пятая книга Моисея (Второзаконие), содержащая новую редакцию текста Синайского завета, дополнившая заповеди Господа для нового поколения Израиля. Именно эта книга названа законом Моисея. В Торе было сказано: «Если в ком найдётся преступление, достойное смерти, и он будет умерщвлён, и ты повесишь его на дереве, то тело его не должно ночевать на дереве, но погребти его в тот же день, ибо проклят перед Богом всякий повешенный на дереве, и не оскверняй земли твоей, которую Господь Бог твой, даёт тебе в удел» (Втор. 21:22–23). Таким образом, по учению фарисеев, Иисус, распятый на дереве, не может быть предметом поклонения, тем более что это проклятый перед Богом преступник. Память о таком не может вернуть Израилю величие. Тора категорически запрещала превозносить преступника, а уж поклоняться ему — грех, граничивший с нечестивым поступком. Между тем Павел постоянно подчёркивал искупительную силу креста, на котором был распят Иисус, и поучал ценить неподражаемый подвиг Господа. В первом послании к коринфянам Павел так говорит об этом: «Ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого» (1 Кор. 2:2). В этом отрывке Павел делает намеренный акцент на распятии,

¹ Ренан Э. Апостолы. М., 1991. С. 130.

² Там же. С. 131.

в котором сконцентрировалась идея искупления человечества. Апостол поступил так главным образом для того, чтобы показать оригинальность, неповторимость христианского учения, позволяющего отличить его от других философских направлений, расплодившихся к тому времени в иудейской эйкумене. Но главной целью акцента на кресте была всё же идея искупления. В изложении апостола крест не олицетворял собой, по эталону Торы, орудие кары нечестивцев, но предстоял как орудие жертвенности, причём жертвенности не в эллинистически-оргиастическом смысле, а в понимании искупления грехов всего человечества, за которое принимает страдание Сын Божий.

Ветхозаветный Бог древних евреев воздействовал на постоянно согрешавших сынов Авраама жестоко — посредством кровавых кар, которые касались не только мужчин, но и женщин, детей. Савл действовал точно так же. Но даже жестокие кары не смогли побороть греховную суть человека. Грехи распространялись и множились. Таким образом, жестокость не принесла плодов, а только умножила страсти и страдания.

Новозаветный Господь распорядился по-другому. Иисус учил любви и пропагандировал добро. Он, посланный Отцом во искупление человеческих вин, сам принёс себя в жертву, принял на себя «вину вселенскую», дабы люди прониклись идеей всеобщей любви. Отсюда и требование подставить левую щёку, когда бьют по правой. Архетип любви повелел Иисусу покориться крестной смерти, посему крест есть средоточие покаянной любви, проповедуемой Господом даже в мучительной смерти. Отсюда поклонение кресту и распятому на нём Христу есть поклонение жертве, принесённой во искупление вселенского греха, есть покорность идеи любви, которая одна только способна превратить мир зла в царствие добра. Павел не мог игнорировать столь великое предназначение креста и жертвы, распятой на нём, в угоду требованиям Торы, не способной подняться до высот эсхатологического восторга. Поэтому он нарушил запрет Торы, сделав это ради торжества добродетели, способной реанимировать золотой век для всего человечества. Именно в этом заключался пафос поклонения кресту и распятому на нём, что не могла вместить Тора в свои ветхозаветные пределы.

Другим пунктом раздражения фарисеев стало игнорирование Павлом необходимости обрезания, каковая препятствовала обращению язычников в веру Христову. Они не хотели принимать этот обряд, а без него крещение было запрещено ветхозаветным императивом, следовавшим из уст Бога, давшего Аврааму завет: «Сей есть завет Мой, который вы должны соблюдать между Мною и между вами, и между потомками твоими после

тебя в роды их: да будет у вас обрезан весь мужеский пол» (Быт. 17:10). Этот, как, впрочем, и другие Божественные заповеди, соблюдались с ригористической неотвратимостью и безапелляционностью главным образом по той причине, что строгое следование предписаниям позволяло евреям сохранить свою идентичность, отличающую их от других народов и, кроме того, обрезание, наряду с другими правилами, считались у евреев необходимым условием оправдания в эсхатологической перспективе.

Евреи страстно ценили свою избранность, поэтому любое покушение на исповедуемые ими императивы вызывало гневную реакцию. Свидетельством тому служила Маккавейская война, о которой Павел, несомненно, знал. Эта война (166—142 гг. до н.э.), закончившаяся победой иудеев под предводительством Иуды Маккавея, была спровоцирована селевкидским царём Антиохом IV Епифаном, который, как правитель Палестины в то время, пытался ввести в Иудее греческие порядки, осквернил храм Соломона и запретил обрезание.

Что мог предпринять Павел, дабы распространить среди язычников свет веры Христовой, сознавая риски противления иудейским заповедям? Вариантов было два — отказаться от крещения или нарушить ветхозаветную норму. Павел выбрал второй вариант, поскольку был назначен Господом специально для просвещения язычников. Новообращённый апостол не мог нарушить указанного ему назначения и потому, что оно исходило от святого Учителя, и потому, что он сам верил в предначертанное ему обетование и верил со всем неистовством, которое не оставило его со времён Савла. В послании к Галатам Павел со свойственной ему страстностью отвергает ветхозаветный закон, служащий предметом поклонения фарисеев, и утверждает: «Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати, а мы духом ожидаем и надеемся праведности от веры. Ибо во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью» (Гал. 4:4—6).

Ревностное следование закону не ускорило приближение Мессии и не могло его ускорить, поскольку законопоклонение выступало главным образом в виде строго формального соблюдения правил, что не предполагало величия любви, проявляющейся в истинной вере. Поэтому нарушение правил, которые не способны к торжеству истинного человеколюбия, стали для Павла естественным продолжением его служения Христовой истине: «Ибо не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но тот Иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце духа, а не по букве» (Рим. 2:28.29).

Истинная вера в проповедуемую Иисусом любовь, стремление к её достижению, оправдывает нарушение закона, который тормозит триумф благодетельных Христовых обетований. Поэтому Павел утверждает: «Ибо мы признаём, что человек оправдывается верою, независимо от дел закона» (Рим. 3:28).

Поскольку Павел пренебрегал обрезанием, которое не позволяло ему склонить язычников к вере Христовой, постольку упрёки в его адрес относительно того, что он общается с необрезанными варварами и даже позволяет себе трапезничать с ними, были очередным поводом для уличения его в святотатстве. Ибо сказано было: «Необрезанный же мужеского пола, который не обрежет крайней плоти своей в восьмой день, истребится душа та из народа своего, ибо он нарушил завет Мой» (Быт. 17:14). Необрезанный считался нечистым, общение с которым не допускалось, а общающийся подвергался осуждению вплоть до остракизма: он удалялся из общины. Поскольку правила общения с необрезанными были возведены фарисеями в абсолют, постольку верующие опасались его нарушать под страхом всевозможных невзгод. Опасались и апостолы. Этот факт, а именно боязнь общения с необрезанными язычниками, вызвал даже ссору между Павлом и Петром, который проповедовал среди правоверных и старался соблюдать требования Торы. Пётр не возражал против учения Павла, но побаивался иудейских инвектив. И вот однажды, когда Пётр принял участие в общей с язычниками трапезе, он вдруг испугался гнева обрезанных и устранился, за что Павел вменял ему отступление от заветов Иисуса. При всей общине Павел гневно упрекнул Петра в несоблюдении принципов.

В дальнейших проповедях Павел постоянно упрекает закон, который противоречит принципам любви, провозглашённым Иисусом Христом, утверждая, что грех познаётся именно благодаря закону (Рим. 3:20; 7:7). «Ибо мы признаём, что человек оправдывается верою, независимо от дел закона» (Рим. 3:28). Законодатель сам создаёт греховный поступок, предлагая нормативные императивы запретов. Другое дело, когда эти запреты касаются тех ценностей, которые позднее стали признаваться в качестве абсолютных, нуждающихся в непрременной защите в случае угрозы причинения им вреда. В Нагорной проповеди совокупность этих ценностей представлена золотым правилом: «Итак, во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Матф. 7:12). Не в формальном исполнении закона заключается возможность спасения и оправдания, а в нравственной парадигме соблюдения этических правил, способствующих процветанию общества на основе взаимной любви. Поэтому фарисейское преклонение перед

скрупулёзностью исполнения правил, которые вовсе не касаются естественных или абсолютных ценностей, не может служить предметом почитания, но может быть нарушено исключительно ради торжества мира и спокойствия, к чему постоянно стремилось и продолжает стремиться человечество.

«Христос искупил нас от клятвы закона», — утверждает Павел, критикуя фарисейские правила, которые отношения к истинной вере не имеют и которые не привели и не способны были привести ко второму пришествию (Гал. 3:13). Но тогда для чего же дан закон? — вопрошает Павел, имея в виду не законы Торы, а законы социального общежития, изданные в обществе, склонном ко греху. И апостол отвечает на свой вопрос: «Он дан после по причине преступлений, до времени пришествия семени, к которому относится обетование, и преподан через Ангелов, рукою посредника. Но посредник при одном не бывает, а Бог один.

Итак, закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою; по пришествии же веры, мы уже не под руководством детоводителя» (Гал. 3:19–24). Критикуя фарисейские установления Торы, Павел критикует и светский закон, который дан по причине размножившихся преступлений, по причине греха. Ни тот, ни другой закон не нужны, поскольку они не предполагают любви. Но светский закон всё же необходим до того момента, покуда не наступит эра истинной веры, эра всеобщей любви и тогда мы уже не будем находиться под руководством детоводителя. Светский закон должен быть в современном греховном мире, пока человечество пребывает в состоянии детства с его греховностью. Ибо только ребёнок несмышлёный, частично дееспособный человек не в состоянии понять, что соблюдение нравственного императива нагорной проповеди способно дать покой и умиротворение, способно истребить греховность, которая включает в себя преступность. Человечество возвысится до понимания милосердия ещё не скоро, если вообще возвысится до этого. Но стремление к достижению идеала необходимо для распространения нравственных парадигм взаимоотношений. Учитывая это содержание проповедей апостола, становится понятным один из итогов рассуждений Павла на тему закона: «Отменение же прежде бывшей заповеди бывает по причине её немощи и бесполезности, ибо закон ничего не довёл до совершенства, но вводится лучшая надежда, посредством которой мы приближаемся к Богу» (Ев. 7:18). Здесь апостол объясняет евреям, что новые заповеди, которые отвечают современным требованиям сосуществования, а лучше сказать — которые в большей мере насыщены нравственным потенциалом, должны занять место старых запретов, мешающих нравственному совершенствованию человека. Таким образом, можно заключить,

что апостол Павел выступал против заповедей фарисеев, т.е. хулил, строго говоря, их императивы с благой целью — приобщить к истинной вере людей, которые опасались или просто не хотели соблюдать требования закона-принуждения к исполнению правил, ничего не дающего для души, но причиняющего неудобства.

Следующий небольшой сюжет будет посвящён Божеству, хотя и языческому, но служение которого очевидно напоминает служение Иисуса Христа с его проповедью любви. Это языческий Прометей.

Прометей, которого исследователь греческой мифологии Г. Шваб почитает титаном³, был сыном титана Иапета и океаниды Климены (по другой версии, матерью Прометея была Фемида). Прометей принадлежал к группе тех титанов, которые помогли Зевсу воцариться на Олимпе, активно участвуя в борьбе против Уранидов (война, которая получила название Титаномахия).

Взойдя на олимпийский престол, Зевс стал распределять между новыми Богами-олимпийцами уделы, власти, почести, словом, как принято во все времена, — раздавать привилегии. К этому времени, однако, Прометей, по свидетельству Аполлодора, «смешав землю с водой, вылепил людей»⁴. В становлении людского племени титану помогала Афина-Паллада или Минерва, Богиня мудрости, вдохнувшая в созданную форму Божественную душу.

Прометей наделил людей всеми возможными ремёслами и искусствами, которых раньше они не знали, ибо были «как дети несмышлёные»⁵. Но самое, пожалуй, важное, что дал людям Прометей, — «избавил смертных от предвидения»⁶. Почему этот дар я называю самым важным? Потому что, благодаря этому благу, он не дал людям знать срок их смерти и таким образом поселил в их душах надежду на будущее. В данной связи невольно приходят на память рассуждения Ивана Карамазова, очевидно исповедующего гностическую философию: если нет бессмертия, тогда Бог умер и всё дозволено. Можно делать всё, что угодно, преступая запреты, ибо они бессмысленны.

Раздавая привилегии, Зевс оставил без внимания людей, которые были ему безразличны, ибо не доставляли ни радостей, ни умилений и, как свидетельствует Эсхил:

*«Выкорчевать с корнем род
Людской замыслил»⁷.*

³ См.: Шваб Г. Мифы классической древности. М., 1916. С. 5.

⁴ Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972. С. 10.

⁵ Эсхил. Трагедии. М., 1989. С. 248.

⁶ Там же. С. 242.

⁷ Там же. С. 241.

Однако молодые Боги-олимпийцы с любопытством следили за деятельностью созданных людей и стали даже оказывать людям покровительство, за что, правда, требовали, чтобы им воздавали почести и поклонялись. Желая в конце концов решить судьбу людей, возложив на них бремя обязанностей и ритуалов, Боги собрали совет, на котором председательствовал, естественно, Зевс. На совет привели быка, дабы Боги имели возможность выбрать те части животного, которые люди должны приносить им в жертву. Присутствовавший на совете Прометей пошёл на хитрость: он разделил тушу быка на две части. Одна часть, меньшая, включала в себя мясо. Сверху она была покрыта кожей и несъедобными частями быка. Другая часть, большая, состояла из костей, но была прикрыта слоем жира, источающего сладостный аромат. Боги выбрали большую часть быка. Когда обман открылся, Зевс был взбешён. Зная, как Прометей любит своих созданий, как стремится им помочь и возвеличить, Зевс решил наказать титана через его возлюбленное детище. Он лишил людей огня, без которого они не могли питаться, обогревать жилище, вообще существовать. Зевс запретил давать людям огонь под угрозой строжайших кар, желая истребить людское племя. Прометей не мог смириться с таким жестоким императивом, даже несмотря на его Божественную ипостась. Он замыслил нарушить законоустановление и дать людям огонь, без которого их ждала неминуемая гибель. С этой целью он поднялся на Олимп и, воспользовавшись помощью Минервы, спрятав огонь, полученный от Гелиоса, в тростник, принёс и дал людям.

В этот раз Зевс разгневался ещё больше. Он решил жестоко наказать и людей, и их создателя и защитника Прометея. Для того чтобы наказать в очередной раз людей, Зевс придумал чудовищную кару. Своему сыну Гефесту, Богу огня и покровителю кузнечного ремесла, он приказал изготовить статую девушки. Афина одела её в роскошные одежды и вдохнула в неё жизнь, а Афродита наделила её Божественной красотой. Имя девушке дали Пандора, что значит «всем одарённая».

Зевс послал Пандору на землю, вручив золотой ящик, в котором были заключены все беды и несчастья, которые только мыслимы в подлунном мире.

На земле Пандора встретила Эпиметея, брата Прометея, который влюбился в неё до безумия. Он попросил её открыть ящик, и весь сонм несчастий, который был там заключён, поработил мгновенно землю. На самом дне ящика оставалась надежда, утешавшая людей в их скорби в минуты ненастий, но громовежнец велел девушке захлопнуть крышку, дабы люди оставались без упования. Прометей же был прикован к горе цепями (распят), которые выковал Гефест, а Зевс посылал каждые три дня орла,

который выклёвывал у титана печень, каждые три дня обретавшую вновь свою целостность.

Прометей пренебрёг нормативным запретом и совершил преступление, поскольку кража во все эпохи считалась таковым. Но побуждения титана были благие: пренебрегая законом, он не пренебрёг милосердием, одной из немногих добродетелей, которая почитается божественной и ставится выше всякого закона. Помощь, оказанная в страданиях, искреннее прощение грехов, если такое совершается с соблюдением золотого правила, не может соперничать с законом по своим нравственным потенциям. Закон стоит, несомненно, ниже рангом подобного состояния. Именно это подвигло Прометея на пренебрежение императивом, что, по существу, и является хулой закона.

«Всё за то, что людей я сверх меры любил», —

утверждает титан⁸. И когда сочувствующие ему титаны просят, чтобы он покорился воле Зевса и покаялся перед ним, Прометей отвечает:

«Сознательно, сознательно, не отрекись.

Всё сделал людям в помощь и на казнь себе»⁹.

Даже тогда, когда сочувствующие ему Боги показывают низость и подлость людскую, не способную, как и в подвиге Иисуса, оценить соделанное ради них благодеяние:

«Где ж любовь за любовь, друг любимый, скажи,

Где сила смертных?

Где заступа, скажи! Неужто ты не видишь

Всё бессилье людей, уродство, хилость»¹⁰, —

Прометей не отрекается от своих благодеяний, почитая милосердие ради жизни и счастья людей выше закона.

Стоит заметить, что Прометею сочувствуют и другие Боги — Океан, Гефест, который приковылял титана со слезами на глазах, Океаниды и, разумеется, его мать Фемида. Таким образом, можно сделать вывод, что хула закона ради благих, но не просто благих, а жизненно необходимых целей, разделяли и другие бессмертные.

Последней в серии достойных преклонения фигур считаю целесообразным показать Антигону, дочь фиванского царя Эдипа, знаменитого тем, что убил своего отца и женился на собственной матери, которая и родила ему дочь Антигону. Антигона вошла в мифологическую историю как истовый поборник родственного долга и, сказали бы мы

теперь, непреклонный последователь естественного права или права богов.

Во время битвы за Фивы, где царём был Креонт, шурин Эдипа, в бою встретились два родных брата, один из которых был защитником города, а другой выступал на стороне захватчиков. Оба брата были убиты. В обычае греков, которые опирались на религиозные предписания, было обязательное погребение погибших. Считалось, что душа погибшего станет достоянием Аида, т.е. обретёт в царстве мёртвых покой, если тело будет надлежащим образом погребено. Собственно, процедура погребения являлась естественным обрядом, составляя часть естественного или Божественного права.

Креонт распорядился, чтобы тело одного из братьев, защитника Фив, было погребено надлежащим образом, а тело другого, воевавшего на стороне захватчиков, было отдано на съедение хищным птицам и собакам, что очевидно противоречило Божественным установлениям. В случае нарушения указа царя нарушителю полагалась смертная казнь.

Антигона, родная сестра погибших братьев, была возмущена указом Креонта, который нарушал Божественные предписания. И она решает пренебречь императивом царя и совершить обряд над погибшим братом, как велит древнее и почитаемое предписание. На просьбу помочь ей в этом, сестра Антигоны Исмена отвечает сомнением в праве нарушать закон. Но и Антигона против нарушений закона. Она готова нарушить только нарушающий закон. Креонт пренебрёг велениями обычного, естественного права или права богов, а именно это право и является священным для людей в общей массе и для Антигоны, в частности. Поэтому она готова нарушить запрет царя ради торжества закона справедливости. Исмене она так и отвечает:

«А ты, коль хочешь,

Не чти законов, чтимых и богами»¹¹.

Будучи разоблачённой и представленной Креонту, она мужественно отвечает царю на все его упреки, подчёркивая святость высшего закона справедливости, имеющего Божественный авторитет:

«Не знала я, что твой приказ всемогущ

И что посмеет человек нарушить

Закон богов неписанный, но прочный»¹².

Креонт приводит аргументы, которые, по его мнению, должны привести Антигону к раскаянию. Он упрекает её в почитании нечестивца, для которого, по убеждению царя, погребение как некий

⁸ Эсхил. Трагедии. С. 238.

⁹ Там же. С. 243.

¹⁰ Там же. С. 250.

¹¹ Софокл. Трагедии. Калининград, 2002. С. 285.

¹² Там же. С. 305.

дар Аида, непристойно. На это Антигона отвечает логически безупречным утверждением, вряд ли оставляющим хотя бы малейшие сомнения:

«Один закон Аида для обоих»¹³.

К Антигоне присоединяется её жених, сын царя Креонта, Гемон. Он упрекает отца в несправедливости, указывая ему на то, что в народе по поводу казни Антигоны началось брожение, которое оправдано поведением женщины, возводимом Гемоном в ранг подвига¹⁴. В конце трагедии Софокл, видимо, полностью разделяя антигонову хулу на закон, пренебрегающий справедливостью, вкладывает в уста хора апофеоз:

«Но в обитель умерших
Ты уходишь во славе»¹⁵.

Слава Богам, обожествлённым творцам и героям, которые готовы на мученичество ради торжества закона справедливости и любви! Этим пафосным величанием можно удостоить финал эссе о великих хулителях закона, если бы не необходимость, основанная прежде всего на желании сделать некоторые выводы.

* * *

А выводы вот какие.

Практически во все времена справедливость почиталась выше любого императива. В зороастризме, который был основанием практически всех философских и юридических построений (борьба добра со злом), в который был влюблён Ницше, утверждалось, что справедливость есть настоящий закон, нормы которого должны осуществляться в силу собственной необходимости. Справедливо то, что не просто приносит пользу, но и не причиняет другому невзгод, т.е. справедлив любой поступок, если он облечён золотым правилом. Блаженный Августин по этому поводу пророчествовал: «если в государстве нет справедливости, то такое государство есть большая разбойничья шайка»¹⁶.

Справедливость как ипостась народной ментальности, а не как декларация, получившая название «принцип», но ни в коей мере не соответствующая характеристике первоначала, вырабатывается годами. Новая идея не в состоянии завоевать душу человека, быть интериоризованной его самосознанием. Она должна превратиться в иллюзию или восприниматься как истинная реальность. Только тогда она становится незыблемым правилом,

следование которому является внутренней потребностью человека, составляет его ментальность.

Ментальность определяется доминантным импульсом, который заключён в «парадигме следования». Такая парадигма следования была представлена, например, христианством, определившим на долгую перспективу человеческие поступки, получающие одобрение большинства. Именно христианство как исторически сформировавшее ментальность человека учение являлось основой деятельности и подражания. В данном контексте Г.В. Мальцев справедливо указывает: «Сознание и дух проявляются в исторически сложившихся и постоянно присущих народу идеях, представлениях, чувствах, категориях и понятиях. Именно они, а не приказы суверена или воля законодателя, являются подлинным предметом юридических исследований»¹⁷.

Обычное или естественное право, которое было освещено сакральными лучами, всегда обладало силой в формировании людских правовых представлений. Обычные, покоящиеся на верованиях иллюзии правила миром и определяли направление человеческих деяний. Их игнорирование приводило к губительным последствиям. Вспомним, чем закончилось для Атаульфа, предводителя вестготов, поработивших Европу, пренебрежение народными обычаями и попытка заменить обычаи законами Рима — он был убит соплеменниками. Такое же трепетное отношение к обычаям, естественно-правовым правилам было присуще и русскому народу. Хорошо известный историк права М.Ф. Владимирский-Буданов писал: «Несравненно большая масса жителей России и теперь подчиняется не началам свода, а тем нормам, которые мы иногда отказываемся допустить в седой старине. Эти “древности права” суть весьма живая новость»¹⁸, а Н.П. Загоскин отмечал также: «Обычное право не утрачивало жизненного значения своего и в последующие эпохи русской жизни; известно, что почти исключительно обычным правом и до наших дней регулирует свою правовую жизнь наше крестьянство, т.е. огромное большинство русского народа»¹⁹. Предложенная Н.П. Загоскиным зарисовка не потеряла актуальности и по сей день. Достаточно вспомнить абсолютно безуспешные варианты антиалкогольных кампаний, которые не принесли полезного, а только разочарование и разруху. Народную ментальность, которая в данном

¹³ Софокл. Трагедии. С. 308.

¹⁴ См.: там же. С. 319.

¹⁵ Там же. С. 327.

¹⁶ См.: Августин Блаженный. О граде Божиим. СПб; Киев, 1998. Кн. I–XIII. С. 150.

¹⁷ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2019. С. 315.

¹⁸ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1907. С. 684.

¹⁹ Загоскин Н.П. История права русского народа. Казань, 1899. Т. 1. С. 186.

случае блестяще иллюстрирована святым князем Владимиром, сказавшим клирикам при выборе веры: «Веселие Руси есть пити, не можем без того быти», — можно преодолеть только длительным воспитанием, в рамках которого внедряемые нормы могут быть приняты человеком с учётом стремления любой психофизиологической системы к получению удовольствия. Или если длительный воспитательный процесс невозможен в силу необходимости немедленного создания новой духовности, — импульсом такой значимости, который в состоянии перевернуть этические представления человека, как это сделал Чингисхан, введя в правовой оборот монголов Ясу, изменившую их правовые пристрастия, как делал апостол Павел, проповедуя язычникам.

Конечно, закон светский должен быть почитаем, поскольку он призван сохранять спокойствие в обществе. И с этим утверждением не спорят хулители закона. Но он должен быть справедливым, иначе недовольство, сопровождаемое хулой или облёчённое в хулу, не заставит себя ждать.

Справедливость не порождается законом. Она есть трансцендентный феномен, носящий в себе Божественную сущность. Как Божественная сущность справедливость составляла естественно-правовые императивы, и если была воплощена в них лишь в субъективных предпочтениях, то по крайней мере составляла иллюзию правды и любви, что всегда считалось абсолютной ценностью, которая стоит над правом и определяет его. Поэтому пренебрежение такой сакральной ценностью, а идея сакральности феномена справедливости интуитивно и имплицитно присутствует и в правосознании современного человека, неизбежно приводит к хуле закона. Достаточно посмотреть хотя бы современные публикации на правовую тему²⁰.

Кстати, законодатель, может быть, подчиняясь бессознательному влечению, включил в структуру кодифицированных нормативных актов возможность законодательной хулы, которая воплощается в неисполнении законодательных нормативов. Это, например, в Уголовном кодексе РФ необходимая оборона, позволяющая причинять вред, в т.ч. и телесный, нападающему; крайняя необходимость, позволяющая причинять вред невинной жертве; обоснованный риск, позволяющий нарушать любые запреты, если такое нарушение сделано во благо людское.

²⁰ См., напр.: *Коробеев А. И.* Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019; Кризис права. История и современность / под ред. В. В. Денисенко, М. А. Беляева, Е. Н. Тонкова. СПб., 2018; *Иванов Н. Г.* Критика «чистой воды»: опыт эмпирического анализа норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. М., 2020; и др.

Таким образом, хула закона в виде его нарушения или просто неприязни допустима, если закон игнорирует сакральное положение о справедливости, заключающей в себе любовь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Августин Блаженный. О граде Божием. СПб.; Киев, 1998. Кн. I—XIII. С. 150.
2. *Аполлодор*. Мифологическая библиотека. Л., 1972. С. 10.
3. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. СПб., 1907. С. 684.
4. *Загоскин Н. П.* История права русского народа. Казань, 1899. Т. 1. С. 186.
5. *Иванов Н. Г.* Критика «чистой воды»: опыт эмпирического анализа норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. М., 2020.
6. *Коробеев А. И.* Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019.
7. Кризис права. История и современность / под ред. В. В. Денисенко, М. А. Беляева, Е. Н. Тонкова. СПб., 2018.
8. *Мальцев Г. В.* Социальные основания права. М., 2019. С. 315.
9. *Ренан Э.* Апостолы. М., 1991. С. 130, 131.
10. *Софокл*. Трагедии. Калининград, 2002. С. 285, 305, 308, 319, 327.
11. *Шваб Г.* Мифы классической древности. М., 1916. С. 5.
12. *Эсхил*. Трагедии. М., 1989. С. 238, 241–243, 248, 250.

REFERENCES

1. *Augustine Blessed*. About the city of God. SPb.; Kiev, 1998. Books I—XIII. P. 150 (in Russ.).
2. *Apollodorus*. Mythological library. L., 1972. P. 10 (in Russ.).
3. *Vladimirsky-Budanov M. F.* A review of the history of Russian law. SPb., 1907. P. 684 (in Russ.).
4. *Zagoskin N. P.* History of law of the Russian people. Kazan, 1899. Vol. 1. P. 186 (in Russ.).
5. *Ivanov N. G.* Criticism of “pure water”: experience of empirical analysis of the norms of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation. M., 2020 (in Russ.).
6. *Korobeev A. I.* Criminal Law policy of Russia: from Genesis to crisis. M., 2019 (in Russ.).

7. The crisis of law. History and modernity / ed. by V. V. Denisenko, M. A. Belyaeva, E. N. Tonkov. SPb., 2018 (in Russ.).
8. *Mal'tsev G. V.* Social foundations of law. M., 2019. P. 315 (in Russ.).
9. *Renan E.* The Apostles. M., 1991. P. 130, 131 (in Russ.).
10. *Sophocles.* Tragedies. Kaliningrad, 2002. P. 285, 305, 308, 319, 327 (in Russ.).
11. *Schwab G.* Myths of classical antiquity. M., 1916. P. 5 (in Russ.).
12. *Aeschylus.* Tragedies. M., 1989. P. 238, 241–243, 248, 250 (in Russ.).

Сведения об авторе

ИВАНОВ Никита Георгиевич –
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, профессор
кафедры уголовного права и криминологии
Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России);
117638 г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

Authors' information

IVANOV Nikita G. –
Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the
Russian Federation, Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology of the
All-Russian state University of justice (Russian law
Academy of the Ministry of justice of Russia);
2, building 1 Azovskaya str., 117638 Moscow, Russia